

УДК 396(476)(470)

DOI: 10.30914/2227-6874-2018-11-192-204

Первое поколение женщин в высших учебных и научных заведениях Советской Беларуси (1920–1930-е гг.)

И. Р. Чикалова

Статья посвящена становлению первого поколения женщин-преподавателей в высшей школе и научных заведениях Советской Беларуси. Отмечается, что на территории Советской Беларуси первые центры высшего образования начали организовываться в условиях фактического отсутствия традиции, на которую можно было бы опереться при конструировании классической модели высшего учебного заведения. Здесь университетская и академическая система начала создаваться усилиями, как местных, так и приглашенных на постоянной или временной основе ученых, которые стали элитой создаваемых на территории БССР высших учебных заведений. Это были высококвалифицированные специалисты-мужчины, получившие подготовку и ученые степени еще в дореволюционных российских и зарубежных университетах, направленные из других научных центров с целью начать формирование научных школ Беларуси. Со второй половины 1920-х гг. на кафедры и в лаборатории стало приходиться новое пополнение специалистов из числа недавних выпускников вузов, среди них были и первые девушки.

Ключевые слова: Советская Беларусь, женщины-преподаватели, история образования, академическая среда.

Для цитирования: Чикалова И. Р. Первое поколение женщин в высших учебных и научных заведениях Советской Беларуси (1920–1930-е гг.) // Запад – Восток. 2018. № 11. С. 192–204. DOI: 10.30914/2227-6874-2018-11-192-204

Картина социальной истории сфер образования и науки была бы неполной без исследования вопроса появления женщин на университетских студенческих скамьях, в среде преподавательского и научного сообщества, без изучения их судеб и включенности в профессиональное поле. Российскому студенчеству рубежа XIX–XX вв., в частности, его женской части, посвящены фундаментальные монографии А. Е. Иванова [4; 5]; Высшим женским (Бестужевским) курсам – труды О. Б. Вахромеевой [2; 3] и других авторов. Выявление в различных областях знания научного и документального наследия, оставленного российскими женщинами-учеными, начиная со второй половины XIX – и вплоть до начала XXI в., стало основной задачей авторов коллективной монографии «Российские женщины-ученые: наследие» [9]. На основе значительного фактического материала, в том числе вводимого в научный оборот впервые,

в книге анализируются биографии российских женщин-ученых, работавших как в России, так и за рубежом в разных научных областях. С учетом проблематики настоящей статьи особую ценность в монографии представляют исследования в первых разделах монографии – «Они были первыми: «ученые дамы» Российской империи» (Н. М. Осиповой, О. Б. Бокаревой, О. А. Вальковой, С. А. Лимановой, Е. Ф. Синельниковой и В. С. Соболева), «Женское научное образование в Российской империи» (О. Ю. Юлиной, Р. А. Фандро). В разделе «На переломе: женщины-ученые – современницы установления юридического равноправия полов в России» особый интерес представляет статья Н. Л. Пушкаревой, посвященная российским женщинам-историкам [8].

Что касается сюжета, в фокусе которого находится первое поколение женщин в создававшейся сети высших учебных и научных заведений Советской Беларуси в 1920–1930-е гг., обращение к нему в данной статье стало естественным продолжением исследования, связанного с изучением особенностей получения высшего образования женщинами белорусских губерний в дореволюционной России [10].

Открытие негосударственных высших женских курсов – Московских Герье (1872 г.), С.-Петербургских Бестужевских (1878 г.), Казанских (1876 г.), Киевских (1878 г.), которые вели обучение слушательниц в соответствии с учебными планами императорских университетов и с привлечением их профессуры, позволило тысячам девушек приобщиться к высшему образованию. Лишь позже в системе высших учебных заведений России появились два института, специально предназначенные для женщин. Оба заведения находились в столице – Женский медицинский институт с пятилетним сроком обучения при Министерстве народного просвещения и Женский педагогический институт ведомства императрицы Марии – с четырехлетним, открытые в 1897 и 1903 гг. соответственно.

На территории белорусских губерний подобных курсов и институтов для женщин не было, поскольку отсутствовали классические университеты, с опорой на опыт и профессорские кадры которых они открывались и функционировали. После закрытия в 1832 г. Виленского университета и Горы-Горецкого земледельческого института в 1864 г. высших учебных заведений здесь не осталось. Для получения свидетельства о высшем образовании мужчины и женщины – выпускники и выпускницы мужских и женских гимназий Гродно, Могилева, Минска, Витебска, Слуцка – должны были выезжать в другие страны или университетские города внутри империи. Для преодоления ограничительных цензов дополнительно еврейская молодежь, в том числе и часть девушек, выходила из иудаизма.

Определенные привилегии женщинам в первые годы советской власти, реализуемые как принцип равноправия, создали особую ситуацию, в условиях которой гражданки нового государства вошли в сферу образования

в период революционной ломки всех традиций. Частью эмансипационной политики пришедших к власти большевиков стало предоставление женщинам возможности получения образования – общего, среднего специального и высшего. Символичным выглядело назначение осенью 1920 г. на пост наркома просвещения бывшей выпускницы Минской Мариинской гимназии и Высших педагогических курсов в С.-Петербурге Марии Яковлевны Фрумкиной, правда, уступившей его в декабре 1920 г. известному историку В. М. Игнатовскому. Она стояла у истоков создания Белорусского государственного университета, вошла в состав его правления, утвержденного 2 июля 1921 г. коллегией Наркомпроса БССР.

С первых наборов студентов в разворачивавшейся на территории советской Беларуси сети вузов¹ число девушек было более чем заметным, хотя мужчины, естественно, преобладали как среди студентов, так и среди преподавателей. Так, в 1919 году студентками Витебского археологического института стали обладательницы свидетельства об окончании гимназии Ольга Баллод (факультет истории искусств), Мария Крамп (археологический факультет) и Анатолия Брежго (археографический факультет) [6, с. 40; 7, с. 243–244]. Естественно, кроме них в Институте занималось немало и других девушек. Всего же в 1921 году на трех факультетах Института (археологическом, археографическом и истории искусств) учились 420 студентов [1, с. 175]. В Белорусский государственный университет в первый учебный год – 1921/22 – на медицинский факультет были зачислены 270 юношей и 117 девушек, на факультет общественных наук – 443 и 296 соответственно. Тем не менее уже на первом этапе формирования системы подготовки кадров высшей квалификации выделилась сфера, которая феминизировалась особенно быстро, – среднее специальное и высшее *педагогическое образование*: в 1924/25 учебном году на педагогическом факультете Белорусского государственного университета учились 657 студенток и 758 студентов². В начале 1934 года в педагогических вузах девушки составляли 41,4 % студентов, в начале 1939 г. – уже 56 %³.

¹ Витебское отделение Московского археологического института в 1918 г. было реорганизовано в Витебский археологический институт (1918–1922) с четырехлетним сроком обучения. Минский, Могилевский и Витебский учительские институты были реорганизованы в Минский (1918), Могилевский (1918), Витебский (1918) педагогические институты с четырехлетним сроком обучения. На базе бывшего Горы-Горещкого земледельческого института был воссоздан Горещкий сельскохозяйственный институт (1919). Были образованы Белорусский государственный университет (1921), Белорусский политехнический институт (1920), Белорусский институт сельского хозяйства (1922), Витебский ветеринарный институт (1924), Лесной институт в Гомеле (1930), Минские медицинский (1930), педагогический (1931), юридический (1931) институты, Белорусская государственная консерватория (1932), Институт народного хозяйства (1933), Витебский медицинский институт (1934), Белорусский институт физической культуры (1937), Оршанский учительский институт (1939).

² Статистычны штогоднік: 1924–1925. Минск: ЦСУ БССР, 1926. Вып. 1. С. 62.

³ Отметим, что эта тенденция была характерна не только для системы подготовки педагогических кадров БССР, она проявилась в странах как Старого, так и Нового света с развитой системой подготовки учителей: в Великобритании и США уже к 1901 г. женщины составляли 75 % школьных учителей.

Формально в соответствии с курсом на вовлечение женщин в интеллектуальные сферы деятельности¹ последние, безусловно, могли не только учиться, но и преподавать в университетах, однако обладательниц ученых степеней на всю Российскую империю к моменту революции было немного, не все они дожили до нее, некоторые обосновались за границей. Уроженки Беларуси В. А. Кашеварова-Руднева, С. В. Ковалевская, С. С. Рабинович-Марголина, Л. Шварц, З. И. Венгерова, Б. И. Венгерова, А. П. Тумаркина, М. Гуттен-Чапская, И. А. Аксельрод, Л. А. Аксельрод, Е. А. Гурвич, Е. И. Кушелевская (по мужу Гурвич), М. Я. Фрумкина, Б. Э. Будкевич, Е. Вольман, А. П. Тумаркина, Р. В. Вишницер-Бернштейн, А. М. Бургина, А. П. Зельдович, А. А. Мовшович, Е. П. Казанович, Е. Г. Станкевич, М. Я. Ратнер, Э. С. Войтинская, С. Я. Яновская, Е. П. Привалова, Н. О. Штейнберг-Щупак получили высшее образование на Высших женских курсах в Санкт-Петербурге и Москве. Некоторые из них учились в зарубежных университетах, а С. В. Ковалевская, С. С. Рабинович-Марголина, Л. Шварц, А. П. Тумаркина, М. Гуттен-Чапская даже были удостоены ученых степеней и званий. Среди наших соотечественниц, востребованных после революции столичными университетами, были те, кто закончил Высшие женские курсы в Петербурге, Москве или в других городах России как, например, А. Б. Миссуна и С. А. Яновская. Столичные университеты приняли на преподавательскую работу выходцев из Беларуси М. Я. Фрумкину, Б. Будкевич, Е. А. Гурвич, Л. И. Аксельрод, закончивших европейские университеты [10].

В то же время на территории советской Беларуси первые центры высшего образования и начали организовываться в условиях фактического отсутствия традиции, на которую можно было бы опереться при конструировании классической модели высшего учебного заведения. Здесь университетская и академическая система начала создаваться усилиями как местных (А. С. Сапунов и др.), так и приглашенных на постоянной или временной основе ученых, которые стали элитой создаваемых на территории советской Беларуси высших учебных заведений. Это были высококвалифицированные специалисты-мужчины, получившие подготовку и ученые степени еще в дореволюционных российских и зарубежных университетах, направленные из других научных центров с целью начать формирование научных школ Беларуси.

¹ Следует отметить, что эгалитарный подход в отношении приема девушек сочетался с еще одним направлением модернизации высшей школы бывшей императорской России, а именно, ее пролетаризацией. Путем изменения классового состава студенчества реализовывалась цель – сформировать новую – пролетарскую – интеллигенцию, преимущественно из числа рабочих и беднейшего крестьянства. Реализация курса на пролетаризацию начиналась с первых наборов.

Так, ректором открытого в 1921 г. Белорусского государственного университета был назначен выпускник Московского университета, доктор русской истории В. И. Пичета. На кафедре всеобщей истории были приглашены выпускники Московского, профессора Смоленского университета В. Н. Перцев и Н. М. Никольский. Профессорами стали работать выпускник Киевского университета философ С. Я. Вольфсон, выпускник Московского университета С. М. Мелких, доктор юридических наук М. О. Гредингер, до этого преподававший в университетах Юрьева и Риги, химик Н. Ф. Ермоленко. С 1928 года математику в БГУ преподавал доктор философии Я. П. Громер, прошедший школу Берлинского, Марбургского, Гёттингенского университетов, работавший (с 1915 г.) ассистентом у самого А. Эйнштейна. С 1929 года профессором в БГУ работал выпускник Венского университета, доктор философии (1912), известный математик и физик Ц. Л. Бурстин (в 1931 г. он стал директором Физико-технического института АН БССР). Первый состав сотрудников медицинского факультета состоял из выпускников 39 московских, 12 петроградских и 20 украинских высших учебных заведений. 4 преподавателя получили образование в Бернском, Парижском, Юрьевском и даже Бейрутском университетах. Среди них были Ф. О. Гаусман, получивший звание доктора медицины в Киевском и работавший профессором в Московском университете; доктор медицинских наук, профессор В. А. Леонов, окончивший Петербургскую военно-медицинскую академию, преподававший в Воронежском университете¹. Эти и многие другие ученые возглавили впоследствии известные в СССР и мире белорусские научные школы, руководили институтами АН БССР.

Отдельную группу преподавателей в довоенных белорусских вузах составляли приглашенные на короткие сроки для чтения лекций профессора столичных университетов. Например, несколько лет профессором-консультантом Горецкого сельскохозяйственного института работал известный российский ученый-аграрник Д. Н. Прянишников. С конституционным правом студенты БГУ могли познакомиться на лекциях профессора Московского университета В. Н. Дурденевского, а затем – Г. С. Гурвича, до этого работавшего деканом юридического факультета Московского университета. Небольшую группу преподавателей в вузах составили бывшие учителя местных гимназий. Например, в 1920-е годы в звании доцента математики студентам педфака Белорусского государственного университета преподавал выпускник Киевского университета (1902), учитель математики бывшей Минской гимназии Владимир Кондратьевич Дыдырко.

Наконец, со второй половины 1920-х гг. на кафедры стало приходить новое пополнение из числа недавних выпускников вузов. Уже в 1925/26 учебном

¹ Прафесары і дактары навук Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, 1921–2001. Мінск, 2001.

году в качестве аспирантки по кафедре истории русского и литовско-белорусского права была зачислена выпускница 1917 г. Высших женских (Бестужевских) курсов в Петрограде (по другим сведениям – юрфака Ленинградского университета) Аксиния Товстолес. Ее научным руководителем был В. И. Пичета, который в это время занялся изучением вопросов генезиса некоторых институтов семейного права. С 1927 года статьи аспирантов, в том числе Товстолес, стали печататься в периодическом сборнике «Працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту ў Менску». Первая ее публикация появилась в 1928 году¹. Известна статья А. Товстолес, написанная в ходе подготовки диссертации, посвященной семейному праву на основе Статутов Великого Княжества литовского². До войны Товстолес преподавала в БГУ. В архиве Российской академии наук сохранились ее письма Пичете. Письмо, датированное 1929 г., на белорусском языке подписано «К. Таўсталес-Шыёнак». В военные и послевоенные годы связь с научным руководителем поддерживалась даже на расстоянии. Письма этого времени подписаны «К. Товстолес». 14 февраля 1943 года она пишет из Калинина: «...Мечта поработать у Вас, Владимир Иванович. Работа у Вас была чудной сказкой, как бы хотелось, чтобы она повторилась»³. Сохранилось также ее письмо Пичете, датированное 6 ноября 1946 года⁴. Сведений о ее дальнейшей судьбе пока не обнаружено.

По вполне объективным причинам в числе преподавателей вузов в довоенные годы абсолютно преобладали мужчины. В середине 1920-х годов в вузах БССР работали 436 преподавателей, среди них 68 женщин (15,6 %). Естественно, в этот период не приходилось ожидать притока женщин с доцентским званием, не говоря уже о профессорском. Даже мужчины-профессора в числе преподавателей составляли всего 2,3 %, бóльшая их пропорция была среди научных сотрудников – 13,3 %⁵. Подобная картина была характерна и для рабфаков. Со второй половины 1920-х годов в аспирантуру БГУ стали отбирать кандидатов из числа его выпускников, проявивших склонность к научной работе. Так, первые выпуски биологического факультета БГУ, пришедшиеся на 1927–1930 гг., составляли по 80–90 человек. Отдельные выпускницы, например, З. Н. Кудряшова, надолго связали свою жизнь с университетом.

¹ Таўсталес А. Застаўное права // Працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту ў Менску. 1928. № 21. С. 122–128.

² Таўсталес А. Права сямейнае паводле літоўскіх статутаў: Нарыс да гісторыі старажытнага беларуска-літоўскага грамадзянскага права // Запіскі АН БССР. Адз. гуманіт. навук. Працы клясы гісторыі. 1929. Т. 3. Кн. 8. С. 23–52.

³ К. Шыёнак-Таўсталес да У. І. Пічэты, г. Калінін, 14 лютага 1943 г. // Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту – Уладзімір Іванавіч Пічэта / склад. С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. Мінск: БДУ, 2011. С. 191.

⁴ К. Шыёнак-Таўсталес да У. І. Пічэты, 6 лістапада 1946 г. // Там же. С. 197.

⁵ Статыстычны штогоднік: 1924–1925. Мінск: ЦСУ БССР, 1926. Вып. 1. С. 61.

В 1930 году аспиранткой стала выпускница социально-исторического отделения педфака БГУ А. И. Воронова. В 1929/30 учебном году в аспирантуре БГУ учились 44 человека [11, с. 144, 146]. В последующие годы количество аспирантов оставалось примерно на том же уровне. Среди первых 17 человек, защитивших кандидатские диссертации в 1935–1938 гг., были медик Т. В. Бирич (1937) и А. И. Воронова, которая первая среди историков-аспирантов в 1935 г. стала кандидатом исторических наук, защитив диссертацию на тему «Крестьянские восстания в Белоруссии в XVII веке» [12, с. 53].

Вместе с расширением студенческих контингентов к началу 1930-х гг. проявилась тенденция к значительному увеличению количества преподавателей вузов, соответственно, и женщин среди них, однако рост числа последних в пропорциональном отношении отставал от роста числа мужчин: из 734 сотрудников вузов (в их числе 104 профессора и 92 доцента) женщин было 108 (14 %) [13, с. 36, 37, 38]. И эта цифра уступала соответствующему показателю по РСФСР (18 %). В связи с этим привлечение женщин на преподавательские должности объявлялось очередной задачей. К 1939 году ее решение значительно продвинулось: из 1763 научных работников, профессоров и преподавателей вузов женщин насчитывалось уже 576, что составляло 32,7 %¹. Именно в этот период министром просвещения БССР (1938–1947) стала работать Евдокия Ильинична Уралова, выросшая до поста заместителя Председателя Совета Министров БССР (1950–1958). Тем не менее трудность решения задачи по вовлечению женщин на работу в вузы, в том числе и для самих женщин, состояла в том, что занятие места на кафедре предполагало подготовку в перспективе диссертации, устойчивость же культурного стереотипа о научной работе как о преимущественно мужском занятии, когда женщина должна преимущественно заниматься обеспечением быта своей семьи, сказывалась на всех сторонах процесса.

В Беларуси ситуация усугублялась не только отсутствием на ее территории до революции высших учебных заведений, но и минимальным числом научных учреждений разных профилей, а, как следствие, – отсутствием и национальных научных школ, которые в первые послеоктябрьские десятилетия только начали складываться, но получили невосполнимый удар в результате репрессий. В различных направлениях науки появились перспективные в профессиональном отношении молодые женщины, карьерный рост которых только начал намечаться, но маховик репрессий перечеркнул не только трудовую биографию. Серафима Георгиевна Гомонова (Маргелова, 1904–1969) работала в Институте экономики Белорусской академии наук, была арестована в 1937 г., приговорена к 8 годам лагерей как жена

¹ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова. М., 1992. С. 199.

изменника родины, освобождена в 1945 г., реабилитирована в 1956 году¹. Анна Сауловна Либман (1908 – после 1942) окончила БГУ, в 1932 г. – аспирантуру в БелАН, с 1934 г. работала старшим научным сотрудником в Институте истории. Осуждена в 1936 году, затем в 1942 г., в 1956 г. была реабилитирована². Дочь доктора исторических наук, академика АН БССР Ю. С. Матулайтиса Екатерина Станиславовна Матулайтис (1900–1938) с 1933 г. работала старшим научным сотрудником в Комиссии по изучению Западной Белоруссии БелАН, в 1935–1937 гг. – в Институте национальных меньшинств и в Институте истории БелАН. Была расстреляна в 1938 году³. Анна Петровна Романовская (Софья Мерките, 1903–1986) с 1933 г. работала в Комиссии по изучению Западной Белоруссии, в Институте национальных меньшинств БелАН, приговорена в 1938 г. к трем годам исправительно-трудовых лагерей⁴. Историк Дора Григорьевна Турбович (?–1937) в 1931–1933 гг. училась в аспирантуре БелАН, затем работала ассистентом в Институте аспирантуры. В 1937 г. была арестована и расстреляна⁵.

Но и судьба других была непростой. Так, Александра Ивановна Воронова после окончания в 1933 г. аспирантуры БГУ преподавала в Минском педагогическом институте, став кандидатом исторических наук, получила там должность доцента, но после ареста мужа потеряла работу. Уехала преподавать «Историю СССР» в только что открывшийся Учительский институт в Орше, где нашли себе временное место работы и другие «жены врагов народа», за что сам институт получил прозвище «ссылного». Все приехавшие были специалистами высокой квалификации.

Среди них была Рахиль Абрамовна Поссе, оставившая бесценную книгу воспоминаний, которые охватывают период с 1904 по 1959 годы, когда умер ее второй муж – востоковед, библиист, член-корреспондент Академии наук СССР Н. М. Никольский, в которой детально описывает повороты своей невероятной судьбы⁶. В 1934 году она поступила в аспирантуру по кафедре истории Древнего Востока и античного мира к профессору Н. М. Никольскому. Вот как Рахиль описывает дальнейшие события: «9 августа 1937 года был арестован бывший мой муж Поссе Сергей Владимирович⁷. Вслед за этим меня уволили из университета, как жену врага

¹ Возвращенные имена: Сотрудники АН Беларуси, пострадавшие в период сталинских репрессий / сост. и автор предисловия Н. В. Токарев. Минск: Навука і тэхніка, 1992. С. 30–31.

² Там же. С. 67.

³ Там же. С. 71–72.

⁴ Там же. С. 94–95.

⁵ Там же. С. 108.

⁶ Никольская Р. Воспоминания. Харьков: «Права людини», 2013. 304 с.

⁷ Поссе Сергей Владимирович – на момент ареста был директором Института истории партии БССР, преподавал в Минском педагогическом институте.

народа. К этому времени я уже заканчивала свою диссертационную работу, успешно сдала все требуемые предметы и уже два года работала преподавателем на кафедре истории античного мира. Вслед за этим меня выбросили из нашей квартиры, и я с тремя детьми оказалась на улице. При помощи каких-то незнакомых людей мне удалось поселиться в одну комнату частного ветхого дома в Клебановском переулке, около Оперного театра. <...> Связь с Николаем Михайловичем и моими друзьями по совместным походам на консультации Цехановичем и Махначом (они тогда еще были живы) полностью порвалась»¹. Конечно же, из университета она была тотчас же уволена и понимала, что на работу по специальности никто ее не возьмет. Далеко не все в ситуации, в которой оказалась молодая женщина с тремя детьми на руках, решились бы на помощь. Но поведение Никольского по отношению к его аспирантке было выбивавшимся из правил времени:

«Но вот однажды я шла по Советской улице после утренней смены работы. Было начало пятого дня, и вдруг услышала, кто-то громко кричит: “Поссе, Поссе!” Меня этот крик просто испугал. Кто мог отважиться, не боясь, на всю улицу кричать “Поссе”? Уцелевшие члены семьи арестованных были как прокаженные. От них отворачивались все раньше знакомые люди, с которыми как-будто дружили. <...> Поэтому громкое обращение ко мне на улице меня просто поразило. Обернувшись на зов, я увидела, что ко мне с противоположенной стороны улицы торопливо идет Цеханович, мой сокурсник по аспирантуре у Николая Михайловича Никольского. <...> “Тебя разыскивает Н. М. <...> Он поручил мне тебя разыскать и сказать, чтобы ты обязательно к нему пришла”. Мы с Цехановичем договорились, что в ближайший выходной день мы втроем, как бывало, пойдем к Николаю Михайловичу. <...> Когда мы вошли в кабинет к Н. М., и все расселись по своим обычным местам, разговор начался спустя не менее 10 минут. <...> Видя, что я немного успокоилась, Н. М. первый начал разговор с вопроса: “Почему вы ко мне не пришли?” “Я боялась за вас, боялась вас компрометировать”, ответила я ему хриплым голосом, горло было сжато. Он сильно стукнул кулаком по столу, и очень сердито сказал, даже крикнул: “Как вы могли обо мне так думать!” Я не помню содержания дальнейшего разговора, но при прощании он взял с меня слово, что я буду ему звонить и приходить. А Вера Николаевна добавила: “Обязательно с детьми”. И я, действительно, до отъезда из Минска раз или два приходила к ним

¹ Из воспоминаний доцента исторического факультета БГУ Р. А. Никольской, 31 июля 2000 г. URL: <http://time.bsu.by/ru/bsu-hist/bsu-history/1921-1941/ispytaniya-1930-1941/arkhivnye-dokumenty/562-3-uspamina-datsenta-gistarychnaga-fakulteta-bdu-r-a-nikolskaj-pra-svajgo-muzha-prafesara-universiteta-akademika-an-bssr-m-m-nikolskaga.html> (дата обращения: 16.04.2018).

вместе со своими детьми. Эта встреча с Н. М. и В. Н. имела для меня огромное значение. Я почувствовала в них искренних, добрых людей, и мне показалось, что с их дружбой мне легче будет жить»¹.

Никольский еще раз протянул руку помощи своей аспирантке, добившись для нее возможности читать курс лекций «История Древнего Востока» с 1939/40 учебного года. К этому времени он был не только профессором и заведующим кафедрой истории Древнего мира, но и директором Института истории АН БССР. «Николай Михайлович сказал мне, что ему становится трудно читать лекции, и поэтому кафедра приняла решение пригласить меня прочесть этот курс. На мой робкий вопрос: “И никто не возражал?” он ответил: “На кафедре никто, а кто из администрации возражал, то я им предъявил официальный документ, где сказано, что специалистов заведующий кафедрой сам подбирает”. Дорогой мой Николай Михайлович, ангел-хранитель, дорогой мой человек»². Можно ли удивляться, что оставшись в оккупированном нацистами Минске, Никольский отверг сотрудничество с оккупантами, отказался по заказу оккупационной администрации писать учебник по истории Беларуси, помогал подпольному движению. Он был вывезен в партизанскую зону, а оттуда в Москву, и так был спасен. Все это время он занимался напряженной научно-исследовательской деятельностью, итогом которой стали две книги: «Частное землевладение и землепользование в древнем Двуречье» и «Этюды по истории финикийских общинных и земледельческих культов».

Они встретились в конце войны, создали семью, поскольку оба остались одни, Рахиль Абрамовна вновь вернулась к преподаванию в Белгосуниверситете, завершила и защитила диссертацию «Афинская демократия рабовладельцев», за которую в 1947 г. ей была присвоена ученая степень кандидата исторических наук³.

Некоторые из поколения выпускниц вузов и аспиранток конца 1920–1930-х гг. микробиологи Ольга Дмитриевна Акимова (1883–1969) и Анна Андреевна Езубчик (1904–1975), филологи Любовь Ивановна Фигловская (1908–1979) и Мария Андреевна Жидович (1906–1977), офтальмолог Татьяна Васильевна Бирич (1905–1993), историки Александра Ивановна Воронова (1908–1978), Рахиль Абрамовна Никольская (Поссе) (1904–2004), Нина Васильевна Каменская (1913–1986), ставшая членом-

¹ Никольская Р. Воспоминания. С. 167–168.

² Там же. С. 187–188.

³ Никольская Рахиль Абрамовна // ГАРФ. Ф. Р9506. (ВАК) При Совете Министров СССР. Оп. 9а. Исторические науки (кандидаты, доценты, старшие научные сотрудники). 1935–1963 гг. № дела 255 (1946–1957); см. также: Кузьменко В. И., Токарев Н. В. Политика немецко-фашистских оккупационных властей в отношении научной интеллигенции Беларуси. 1941–1944. Минск: Бел. наука, 2008. С. 22.

корреспондентом Академии наук БССР, одним из самых титулованных советских историков, и другие, сумевшие преодолеть испытания, защитили кандидатские и даже докторские диссертации, сохранили или вновь обрели рабочие места в высших учебных заведениях и научных институтах после окончания Великой Отечественной войны.

Это поколение женщин-преподавателей и ученых, получившее подготовку на лекциях выдающихся профессоров еще старой российской научной школы (заместить которых, несмотря на развернувшуюся пролетариацию высшего образования, в первые десятилетия советской власти было некем), стало наравне с более многочисленными коллегами-мужчинами важной частью советской послевоенной высшей школы, по мере возможности передавало новым поколениям студентов и аспирантов старательно впитанные ими традиции функционирования академической среды.

Список литературы

1. Алексеев Л. В. Археология и краеведение Беларуси. XVI в. – 30-е годы XX в. / под ред. академика Б. А. Рыбакова. Минск: Бел. наука, 1996. 205 с.
2. Вахромеева О. Б. Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878–1918). М.: РОССПЭН, 2018. 903 с.
3. Вахромеева О. Б. Их дань Бестужевским курсам: (объединенная деятельность бывших бестужевок в 50–70 годы XX века). СПб.: Лема, 2015. 362, LXXX, [1] с.
4. Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. 414 с.
5. Иванов А. Е. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004. 408 с.
6. Назарова Е. Л. Латыши в Витебском отделении Московского археологического института // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова». 2012. Т. 12. С. 34–44. URL: <https://lib.vsu.by/xmlui/bitstream/handle/123456789/1041/t13pub34.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 16.04.2018).
7. Назарова Е. Л. Слушательницы-латышки в Московском археологическом институте (1910–1922) // Vesture: Avoti un Cilveke. Proceedings of the 22nd International Scientific Readings of the Faculty of Humanities. History XVI. Daugavpils: Daugavpils Univ., 2013. С. 241–250. URL: https://du.lv/wp-content/uploads/2016/01/Vesture_Avoti_un_cilveki_XVI_2013.pdf (дата обращения: 16.04.2018).
8. Пушкарева Н. Л. «Огонь чужих мыслей и звуки других голосов»: женщины-историки в России // Российские женщины-ученые: наследие. Коллективная монография по материалам Междунар. научной конф. «Столетию Великой русской революции: женские лица российской науки – наследие». М.: Институт истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН, 2017. С. 120–131. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30789502> (дата обращения: 16.04.2018).
9. Российские женщины-ученые: наследие: коллективная монография по материалам Междунар. научной конф. «Столетию Великой русской революции: женские лица российской науки – наследие». М.: Институт истории естествознания и техники имени С. И. Вавилова РАН, 2017. 440 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30479654> (дата обращения: 16.04.2018).
10. Чикалова И. Р. Они были первыми: уроженки белорусско-литовских губерний в высшей школе и науке (конец XIX – начало XX вв.) // Роль женщины в развитии современной науки и образования: сборник материалов Междунар. научно-практич. конф., 17–18 мая 2016 г., Минск. Минск: БГУ, 2016. С. 310–316. URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/153782> (дата обращения: 16.04.2018).
11. Шаўчук І. І. Гуманітарныя навукі ў сацыяльнай гісторыі Беларусі (20–30-я гады XX ст.). Брэст: БрДУ, 2007. 279 с.

12. Шаўчук І. Станаўленне сістэмы атэстацыі навуковых работнікаў у Беларусі // Гістарыя: праблемы выкладання. 2007. № 10. С. 47–54.

13. Шчарбакоў В. Праблема навуковых кадраў у БССР // Савецкая краіна. 1931. № 1. С. 33–41.

*Статья поступила в редакцию 20.07.2018 г.; принята к публикации 20.08.2018 г.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.*

Об авторе

Чикалова Ирина Ромуальдовна

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории БГПУ, ведущий научный сотрудник Института истории НАН Беларуси, Республика Беларусь, г. Минск, *irina_chikalova@mail.ru*

The first generation of women in higher education and scientific institutions of Soviet Belarus (1920s – 1930s)

I. R. Chikalova

The article is devoted to the formation of the first generation of women teachers in higher education and scientific institutions of Soviet Belarus. It is noted that in the territory of Soviet Belarus, the first centers of higher education began to be organized in the conditions of the actual absence of a tradition that could be relied upon in constructing a classical model of a higher educational institution. Here the university and academic system began to be created by the efforts of both local and invited scientists on a permanent or temporary basis, who became the elite of higher educational institutions established in the territory of the BSSR. These were highly skilled male specialists who had received training and advanced degrees in pre-revolutionary Russian and foreign universities, sent from other research centers in order to begin the formation of scientific schools in Belarus. Since the second half of the 1920s a new recruitment of specialists from recent university graduates began to arrive at the departments and laboratories, among them were the first girls.

Keywords: Soviet Belarus, women-teachers, history of education, academic environment.

Citation for an article: *Chikalova I. R.* The first generation of women in higher education and scientific institutions of Soviet Belarus (1920s-1930s). *West – East*. 2018, no. 11, pp. 192–204. DOI: 10.30914/2227-6874-2018-11-192-204

References

1. Alekseyev L. V. *Arkheologiya i krayevedeniye Belarusi. XVI v. – 30-ye gody KHKH v.* [Archeology and regional studies of Belarus. XVI century – the 30s of the XX Archeology and regional studies of Belarus. XVI century – the 30s of the XX]. Ed. by B. A. Rybakov. Minsk: Bel. navuka, 1996, 205 p. (In Russ.).

2. Vakhromeyeva O. B. *Prepodavanie nauk na Vysshikh zhenskikh (Bestuzhevskikh) kursakh (1878–1918)* [Teaching of sciences at the Higher women's (Bestuzhev) courses (1878–1918)]. Moscow: ROSSPEN, 2018, 903 p. (In Russ.).

3. Vakhromeyeva O. B. *Ikh dan' Bestuzhevskim kursam: (ob'edinennaya deyatelnost' byvshikh bestuzhevok v 50–70 gody XX veka)* [Their tribute to the Bestuzhev courses: (joint activities of the former bestuzhevok in the 50–70s of the 20th century)]. Saint Petersburg: Lema, 2015, 362, LXXX, [1] p. (In Russ.).

4. Ivanov A. E. *Studenchestvo Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: sotsial'no-istoricheskaya sud'ba* [Russian students of the late XIX-early XX century: social and historical destiny]. Moscow: ROSSPEN, 1999, 414 p. (In Russ.).

5. Ivanov A. E. *Studencheskaya korporatsiya Rossii kontsa XIX – nachala XX veka: opyt kul'turnoi i politicheskoi samoorganizatsii* [Student Corporation of Russia of the late XIX-early XX century: experience of cultural and political self-organization]. Moscow, 2004, 408 p. (In Russ.).

6. Nazarova E. L. *Latyshi v Vitebskom otdelenii Moskovskogo arkheologicheskogo instituta* [Latvians in the Vitebsk branch of the Moscow Archaeological Institute]. *Uchenye zapiski UO «VGU im. P. M. Mashe-rova»* = Scientific notes of EO "VSU named after P. M. Masherov", 2012, vol. 12, pp. 34–44. Available at: <https://lib.vsu.by/xmlui/bitstream/handle/123456789/1041/t13pub34.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 16.04.2018). (In Russ.).

7. Nazarova Ye. L. *Slushatel'nitsy-latyshki v Moskovskom arkheologicheskom institute (1910–1922)* [Latvian female students at the Moscow Archaeological Institute (1910–1922)]. *Vesture: Avoti un Cilveke. Proceedings of the 22nd International Scientific Readings of the Faculty of Humanities. History XVI. Daugavpils: Daugavpils Univ.*, 2013, pp. 241–250. Available at: https://du.lv/wp-content/uploads/2016/01/Vesture_Avoti_un_cilveki_XVI_2013.pdf (accessed 16.04.2018). (In Russ.).

8. Pushkareva N. L. «Ogon' chuzhikh myslei i zvuki drugikh golosov»: zhenshchiny-istoriki v Rossii ["Fire of other people's thoughts and sounds of other voices": women historians in Russia]. *Rossiyskiye zhenshchiny-uchenyye: nasledie. Kollektivnaya monografiya po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Stoletiyu Velikoi russkoi revolyutsii: zhenskiye litsa rossiyskoy nauki – nasledie»* = Russian women scientists: heritage. Collective monograph on the materials of the Intern. scientific conference “The Centenary of the Great Russian Revolution: Women’s faces of Russian science – the legacy, Moscow: IHST RAS, 2017, pp. 120–131 Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30789502> (accessed 16.04.2018). (In Russ.).

9. Rossiiskie zhenshchiny-uchenyye: nasledie. Kollektivnaya monografiya po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Stoletiyu Velikoi russkoi revolyutsii: zhenskiye litsa rossiiskoi nauki – nasledie» [Russian women scientists: heritage. Collective monograph on the materials of the Intern. scientific conference “The Centenary of the Great Russian Revolution: Women’s faces of Russian science – the legacy]. Moscow: IHSTRAS, 2017, 440 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30479654> (accessed 16.04.2018). (In Russ.).

10. Chikalova I. R. *Oni byli pervymi: urozhniki belorussko-litovskikh guberniy v vysshei shkole i nauke (konets XIX – nachalo XX vv.)* [They were the first: natives of Belarusian-Lithuanian provinces in higher education and science (late XIX-early XX centuries)]. *Rol' zhenshchiny v razvitii sovremennoi nauki i obrazovaniya: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 17–18 maya 2016 g., Minsk* = The role of women in the development of modern science and education: collection of materials of the International scientific and practical conf., May 17-18, 2016, Minsk, Minsk: BGU, 2016, pp. 310–316. Available at: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/153782> (accessed 16.04.2018). (In Russ.).

11. Shaŭchuk I. I. *Gumanitarnyya navuki ŭ satsyyal'nay gistoryi Belarusi (20–30-ya gady XX st.)*. Brest: BrDU, 2007, 279 p. (In Russ.).

12. Shaŭchuk I. *Stanaŭlenne sistemy atestatsyi navukovykh rabotnikaŭ u Belarusi. Gistariyya: prablemy vykladannya*, 2007, no. 10, pp. 47–54.

13. Shcharbakou V. *Prablema navukovykh kadraŭ u BSSR. Savetskaya kraina*, 1931, no. 1, pp. 33–41.

Submitted 20.07.2018; revised 20.08.2018.

The author has read and approved the final manuscript.

About the author

Irina R. Chikalova

Dr. Sci. (History), full professor, Professor of the Department of World History and Methods of Teaching History of BSPU, leading researcher of the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus The Republic of Belarus, Minsk, irinachikalova@gmail.com